

ИЗМЕНЕНИЯ В КАЛМЫЦКОМ КОЧЕВОМ ОБЩЕСТВЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА КАК ВЕКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ

Амаева Д.В.¹

¹ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет», Элиста, Россия (358000, Элиста, ул. Пушкина, 11), e-mail: amaevadv@yandex.ru

На сегодняшний день в гуманитарной науке отмечается немалый интерес к истории повседневности. В условиях глобализации повседневная жизнь претерпевает изменения, так как возникают новые явления и процессы, меняющие привычный уклад. Такие преобразования обуславливают актуальность изучения опыта трансформации повседневной жизни. В настоящей статье рассматриваются изменения в повседневной жизни калмыков в первой половине XIX в., связанных с переходом к оседлому образу жизни. Сделан вывод о том, что переход к оседлости был трудным и длительным процессом. В том числе, имело место прямое давление на калмыков-простолюдинов, желавших перейти к оседлости, со стороны светской и духовной аристократии, опасавшихся лишиться обычных привилегий. Калмыцкое общество первой половины XIX в. переживало кризис, выход из которого был в изменении производственно-технических условий ведения хозяйства.

Ключевые слова: Калмыцкая степь, калмыки, переход на оседлый образ жизни, крестьянство, традиционное хозяйство, изменения.

CHANGES IN KALMYK NOMADIC SOCIETY IN THE FIRST HALF OF THE NINETEENTH CENTURY AS A VECTOR OF TRANSFORMATION OF EVERYDAY LIFE

Amaeva D.V.¹

¹FSBEI HPE «Kalmyk state University», Elista, Russia (358000, Elista, Pushkin's street, 11), e-mail: amaevadv@yandex.ru

Nowadays, in humanities it is noted the considerable interest in the history of the everyday life. In the context of globalization the everyday life suffers the changes, as there are new phenomena and processes that change the habitual way. Such transformations cause the relevance of studying the experience of the transformation of the daily life. This article examines changes in the daily life of the Kalmyks in the first half of the XIX century, associated with the transition to a sedentary lifestyle. It is concluded that the transition to a settled way of life was difficult and time-consuming process. In particular, there has been a direct pressure on the Kalmyk-commoners who wanted to settle down, from the temporal and spiritual aristocracy, who feared to lose the usual privileges. Kalmyk society of the first half of the XIX century was in crisis, the output of which was a change in production and technical conditions of farming.

Keywords: Kalmyk steppe, Kalmyk people, the transition to a settled way of life, the peasantry, the traditional economy, changes in.

В конце XX – начале XXI в. в связи с обращением к междисциплинарности отечественная историческая наука предприняла попытки более рельефно рассмотреть многие события прошлого. Способствует этому «история повседневности», разработанная в 70-80-е годы XX в. в трудах немецких исследователей. В центре внимания истории повседневности – реальность в интерпретации ее непосредственных участников, причем наибольшее внимание уделяется тем аспекты повседневной жизни, которые являются, по мнению повествователя, значимым событием или явлением. События и явления могут относиться к различным сферам общественной жизни, а их участниками могут выступать люди разных социальных групп и слоев.

На сегодняшний день данное направление приобрело особую актуальность и значимость. Долгое время основное внимание уделялось изучению материальных или духовных ценностям, в то время как изучение повседневности вводит в круг исследовательских интересов новые социально-культурные явления. Как отмечает, А.В. Ильясова, «одним из наиболее многочисленных по составу течений российской историографии, возникшим как незамедлительная реакция на усвоение нового подхода, стало обращение интереса большей части научного сообщества к описанию подробностей быта и обычаев прошлых времен, что обнажило проблему проведения границы между «историей повседневности» и «бытописанием». Главное отличие между традиционными исследованиями быта и изучением повседневности историками лежит в понимании значимости событийного, подвижного, изменчивого времени, случайных явлений, влиявших на частную жизнь и менявших ее. Именно в тривиальной обычности жизни витают мысли и чувства, зреют замыслы, ситуации, рождающие экспериментирование. Историка повседневности интересует, как это происходит. Если этнограф воссоздает быт, то историк повседневности анализирует эмоциональные реакции, переживания отдельных людей в связи с тем, что его в быту окружает. Он ищет ответ на вопрос, как случайное становится вначале «исключительным нормальным», а затем и распространенным. В центре внимания историка повседневности – не просто быт, но жизненные проблемы и их осмысление теми, кто жил до нас» [2].

Изменения в повседневной жизни в условиях глобализации влекут за собой новые явления и процессы, меняющие привычный уклад. Такие преобразования обуславливают актуальность изучения опыта трансформации повседневной жизни.

Традиционная хозяйственная деятельность кочевников юга России XVIII-XIX вв. предполагала сезонную смену места жительства. Население Калмыцкой степи Астраханской губернии не было исключением. Однако длительное пребывание в пределах Российского государства, тесные контакты с местным и пришлым оседлым населением наложили свой отпечаток на быт, культуру, хозяйственную деятельность калмыцкого народа, который постепенно начинает переходить на оседлый образ жизни.

Проблемы оседлости или обоседления приволжских калмыков касались многие дореволюционные авторы, чьи фрагментарные описания не выходили за рамки сообщения конкретных фактов из истории оседлости калмыков, перехода некоторых к хлебопашеству [1].

В советское время первым изучил процессы обоседления и проследил их ход ученый-калмыковед Н.Н. Пальмов, уделивший в статье «Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь» основное внимание Указу императора Николая I от 30

декабря 1846 г. «О заселении дорог на калмыцких землях в Астраханской губернии» [7]. Согласно указу правительство планировало приобщить калмыков, занимавшихся кочевым животноводством к осёдлости и земледелию, а также заселить Калмыцкую степь выходцами из европейской части Российской империи. Кроме того, среди кочевий калмыков из числа государственных крестьян предполагалось основать 44 станицы. Переселенцам выделялась земля в размере 30 десятин на душу, одновременно они освобождались от налогов на восемь лет и получали пособие в размере 35 рублей. И своим образом жизни они должны были показать калмыкам пример земледельческой культуры, ее преимущества.

В станицах разрешалось селиться и калмыкам – им выдавалось денежное пособие с одновременным разрешением пользоваться улусными пастбищами. При этом размер предоставляемого пастбища зависел от сословной принадлежности переходящего к оседлости: нойону выделялось 1500 десятин на душу его семьи, зайсангам - по 400 десятин, безаймачным зайсангам - по 200 десятин, калмыкам-простолюдинам - по 30 десятин.

Н.Н. Пальмов правительственную политику обоседления калмыков связывает с политикой русификации, которую легче будет проводить при условии оседлости народа[7]. Однако вряд ли только одним этим можно объяснить появление вышеназванного указа. Переход на оседлость позволял ускорить перевод калмыков в разряд государственных крестьян. К тому же переход к оседлости мог способствовать улучшению калмыцкого скотоводства, в сохранении которого правительство видело не только исправного плательщика податей, но и значительного поставщика скота на всероссийский рынок.

Надо упомянуть, что производственно-технические условия кочевого скотоводческого хозяйства в условиях проникновения товарно-денежных отношений в Калмыцкую степь ставили преграды для его расширенного воспроизводства. Часто повторяющиеся тяжелые зимы и эпизоотии, вместе с усилением эксплуатации простолюдинов, увеличивали с каждым годом количество «бескотных» калмыков, выбрасываемых из прежних социально-экономических условий жизни. Новые потери ставили перед сознанием калмыков «вопрос о необходимости серьезных мероприятий по сохранению скота» [7, с. 129], а этот выход они не могли не видеть в оседлости. Улусных владельцев не устраивало возрастающее количество «бескотных» калмыков, так как известно, что «могущество феодальных господ... определялось не размерами ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство» [3]. Поэтому их просьбы, как правило, следовали после зим, приводивших к массовой гибели скота (1827-1828, 1836, 1842, 1844-1845 гг.). Однако выход из создавшегося положения владельцы хотели осуществить самостоятельно, без вмешательства русского правительства, опасаясь нежелательных последствий для своего могущества.

Кроме того, не нужно забывать и объективно прогрессивные последствия этого явления для социально-экономической и культурной жизни калмыцкого народа и Калмыцкой степи.

Российское правительство, приняв калмыцкий народ в свой состав и выделив ему значительные территории, не предполагало выпускать их из виду и не оставляло надежды использовать в своих целях. Что нашло отражение в «Положении от 19 мая 1806 г. о наделении кочующих в Астраханской губернии народов землями». Однако до 40-х годов XIX в. правительство так и не решилось приступить к практическому осуществлению «видов по заселению дорог». Именно в этот период управляющему Астраханской палатой государственных имуществ генерал-майору Оленич-Гнененко Кириллу Иоакимовичу было поручено продумать меры «к сближению калмыков с оседлой жизнью и заселению удобных земель», чтобы привлечь калмыков к оседлой жизни «мерами не крутыми, а несколько понудительными» [8]. Среди этих «понудительных мер» не последнее место принадлежало заселению калмыцких земель русскими крестьянами, которые при поселении могут показать пример калмыкам, «получая выгоды от их собственных земель» и тем самым породить «соревнование», которое должно пробудиться у калмыков при страхе потерять остальные земли, «на которых и кочевать будет нельзя». Итогом всего и послужил Указа 30 декабря 1846 г. [4].

В Астрахани во главе с Главным попечителем калмыцкого народа генерал-майором Оленич-Гнененко К.И. была создана специальная комиссия по заселению дорог, главной задачей которой было определить места для строительства станиц. Были составлены списки из калмыков, желающих перейти в оседлое состояние. И хоть с 1848 по 1856 гг. количество желающих диаметрально возрастало – с 6 семей до 247 соответственно [5], общий ход дела был неудовлетворительным.

Например, многие калмыки оставляли уже выстроенные дома и возвращались в свои кочевья. Н. Пальмов прослеживает поселение калмыков малодербетовских зайсангов Арши Дорджиева и Бичхан Манджиева, изъявивших желание в 1850 г. перейти к оседлости с 60 семьями. Однако к 1856 г. на место сели только 18 семейств [3].

Причины неудач правительственной политики обоседления калмыков объяснялись по-разному: одни усматривали их в «склонности калмыков к праздности» [6], другие видели их в том, что «русские чиновники плохо пропагандировали идею оседлости», что порядок приглашения калмыков на оседлость проводился лицами, не имевшими никакого доверия в народе, что пособие от казны выдавалось «неосторожно» и поэтому растрчивалось и т.д.

Имело место и прямое давление на калмыков-простолюдинов, желавших перейти к оседлости, со стороны светской и духовной аристократии, опасавшихся лишиться обычных

приношений и отпадения калмыков от ламаизма. Это объясняется господством в калмыцком обществе социальных отношений, обеспечивавших полную внеэкономическую и патриархально-родовую зависимость простых калмыков от своих господ.

Таким образом, калмыцкое общество первой половины XIX в. переживало кризис, выход из которого должен был быть в изменении производственно-технических условий ведения хозяйства. Обедневшие калмыки готовы были перейти к оседлой жизни, однако ни владельцы, ни зайсанги, ни главное духовенство не желали потерей с обычными и так для них выгодными отношениями, существовавшими в калмыцком обществе. Отсюда и неоднократные прошения и жалобы на губернские органы, с просьбой и требованием сохранения прежних обычаев и прав калмыцкого народа жить по старинке.

В целом обоседление калмыков - важный социально-экономический процесс. Заселение калмыцких степей русскими крестьянами приводило к сокращению плодородных земель калмыцкого народа, к расхищению земельных территорий, что не благоприятно сказывалось на положении калмыков-простолюдинов. Однако появление переселенческого крестьянства в Калмыцких степях имело и положительные результаты для кочевого населения, так как деятельность русского и украинского крестьянина была тем фактором, который содействовал экономическому и культурному развитию осваиваемых районов юга России.

Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 14-11-08001 «Повседневная жизнь кочевников-калмыков: от номадизма к оседлости».

Список литературы

1. Бурчинова Л.С. Источники и литература об экономическом развитии Калмыкии периода утверждения капитализма в России (II половина XIX в.). Элиста, 1971. С. 31-36.
2. Ильясова А.В. «История повседневности» в современной российской историографии // Будущее нашего прошлого: мат. науч. конф. Москва, 15–16 июня 2011 г. / отв. ред. А.П. Логунов; Рос. гос. гуманитар. ун-т, Фак-т истории, политологии и права, Каф. истории и теории ист. науки. М., 2011. С. 159-169.
3. Карагодин А.И. Н.Н. Пальмов об оседлости приволжских калмыков I половины XIX века // Вестник института, № 11, серия историческая. Элиста, 1974. С. 34.
4. Национальный архив Республики Калмыкия (далее – НАРК). Ф. 7. Оп. 4. Д. 24. Л. 36.
5. НАРК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 49. Л. 6 об.- 8 об.
6. НАРК. Ф. 7. Оп. 4. Д. 10. Л. 38-41.
7. Пальмов Н.Н. Обоседление калмыков и русская иммиграция в Калмыцкую степь //

Калмыцкая область. Астрахань, 1925. № 2. С. 125.

8. Полное собрание законов Российской империи. Т. XXIX. № 22135.

Рецензенты:

Команджаев А.Н., д.и.н., профессор, заведующий кафедрой истории России ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет», г. Элиста;

Батмаев М.М., д.и.н., профессор кафедры истории России ФГБОУ ВПО «Калмыцкий государственный университет», г. Элиста.